

Как известно, из-за новых официальных должностей, занимаемых им в 1800-е гг., а также вследствие преждевременной смерти, Муравьеву не удалось вернуться к «настоящей» писательской деятельности и напечатать свои сочинения; многочисленные планы, которые он строил до конца своей жизни, остались нереализованными. Это предисловие, однако, сохраняет свое значение, так как им писатель как бы узаконивает рассмотренные нами тексты как законченные литературные произведения.

На самом деле «цикл Феоны» включается в комплекс, еще более широкий, чем задуманная книга для молодых девушек; в него входят «Доброе дитя», «Емилиевы письма», «Обитатель предместия» и «Берновские письма». Это приводит нас к одной очень важной особенности прозы Муравьева, на которую до сих пор не обращали достаточного внимания.

Для «повествователя-нравоучителя», воспринявшего идеи сентиментализма, главная цель состояла в том, чтобы «воздвигать чувствительность в пользу добродетели». ⁷¹ Поэтому «вместо того, чтоб сказать, что долг человека есть добро делать своему ближнему», следовало «показать» добро сие совершаемое и благодетеля и одолженного действием: таким же образом правосудного и неправосудного, щедрого и низкого, Героя и слабого сластолюбца. ⁷² Но при этом изображения похвальных и порочных дел должны были обладать особыми качествами выразительности, да и само повествование следовало строить таким образом, чтобы способствовать нравственному сочувствию читателя-ученика к писателю-воспитателю.

Этому служит, например, преобладающая в педагогической прозе Муравьева эпистолярная форма, благодаря которой события не преподносятся «сами по себе, а <...> преломленными через сознание наблюдателя, дающего образец эмоциональной реакции на увиденное и услышанное». ⁷³ Так, именно форма писем-дневника сентиментального человека, обращенных к другу, который не принимает участия в действии, обеспечивает отождествление читателя с адресатом и его стремление в этом статусе понять и сочувствовать пишущему, стать на его точку зрения. ⁷⁴

Поэтому в «Емилиевых письмах», например, образ героя-рассказчика может стать объединяющим и организующим элементом серии небольших поучительных эпизодов, в которых он, собственно, не играет почти никакой роли. Благодаря скудной информации о его преждевременной смерти, которую мы получаем в «Предупреждении», события, сами по себе лишенные драматизма, получают патетическое освещение, ⁷⁵ и письма воспринимаются как «роман» Емилия. Аналогично как периодическое издание («Обитатель предместия»), так и литературная переписка («Берновские письма» при-

⁷¹ Там же, ед. хр. 28, л. 49.

⁷² Там же, л. 49—49 об. (курсив мой. — Л. Р.).

⁷³ Зорин А. Л. Литературное направление как межнациональная общность. С. 9.

⁷⁴ Jost F. Problèmes de structure narrative de la «Nouvelle Héloïse» à «Werther» // Zagadnienia Rodzajów Literackich. 1967. T. X, z. 1 (18). S. 57.

⁷⁵ Drage C. L. Russian Literature in the Eighteenth Century. P. 198—199.